

ТВОРИТЬ ДОБРО

«НИКОГДА не думал, что доживу до пятидесяти лет», — писал Виктор Петрович Астафьев десять лет назад в автобиографии, названной «Сопричастный». И тут же задал вопросы, на которые «никто не подкашивает ответа»: «Как я умудрился столько прожить? По какому праву? Чем я лучше тех молодых парней, которых сам закалывал на обочинах военных дорог?» — вопросы, продиктованные столь свойственной писателю искренностью и честностью.

С тех давних пор Виктор Астафьев о многом успел написать, следовательно, подумать и поставить перед собой, перед нами новые и новые вопросы (иногда сформулированные прямо публицистически, но чаще в образах), непременно западавшие в наши читательские души и обжигавшие их. «Как воссоединить простоту смысла жизни со страшной явью бытия?» — спрашивал он в философском этюде «Падение листа», в котором поэтически осмысливались и «тайна нашей жизни», и «непонятная человеческая тоска», когда «скорбь уходящего лета напоминает о наших незаметно улетающих днях», и «нескончаемая жизнь» природы с ее стремлением к «вечному обновлению».

Вся жизнь Виктора Астафьева, так неповторимо отразившаяся едва ли не во всех его произведениях, дает с тем или иным отклонением и приближением свой ответ на этот нелегкий вопрос. Видимо, в том и секрет более или менее удовлетворительных ответов на «вечные вопросы», что они у каждого «свои», активно переживая перипетии эпохи и личной судьбы с честным стремлением «воссоединить», учитывая порой и сопротивление тех, для кого этих вопросов попросту не существует.

Виктор Астафьев со всей яростью своего темперамента обрушивается на демагогов и равнодушных, на предателей и самозванцев, возлюбивших самих себя, на костоломов, проповедующих войну, на всякого рода ублюдков, жаждущих жить за чужой счет. И во всех случаях им руководит совесть гражданина родной страны, совесть русского советского писателя, продолжателя традиции великой русской литературы. Она и заставила его еще и еще раз спрашивать себя с чувством высокой ответственности:

«За что судьба даровала мне счастье жизни? Достойна ли я его, этого счастья? Все ли делал для счастья других? Не разменял ли так тягостно доставшуюся мне жизнь на пятак? Всегда ли был честен перед собою? Не рвал ли хлеб из рта близким? Не оттирал ли с дороги лоптями слабых?..»

Не каждому дано с такой открытостью говорить о современном. Вопросы, вопросы. Они как бы невольно возникают в каждом его созидании и, быть может, с наибольшей смелостью и беспощадностью к себе в знаменитом теперь повествовании «Царь-рыба». Кто не помнит заключительные мужественные слова, сказанные после того, как с редким искусством были вскрыты сложнейшие противоречия в наших повседневных общениях с природой: «Так чего же я ищущу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?» И бесстрашно и честно: «Нет мне ответа».

Сколько перед нами прошло в повествовании разных людей, чтобы, казалось, подкрепить такой неутихолюбивый ответ. Но, взгляды в каждого из них, мы обнаруживаем, что этот людской поток лишен однородности; но, вчитываясь в такие разные главы, как «Турханская лилия» или «Уха на Боганиде», мы начинаем понимать, что в действительности существует множество опор, отнюдь не безысходных, и первая из

них — человек труда, человек высокой нравственности; но, вдумываясь в сцены противоборства Акима и Герцева, особенно в ключевую сцену единоборства человека и рыбы, мы убеждаемся в глубине исходных положений художника, которые и сценентировали его произведение.

Игнатич — фигура в повествовании вполне реальная, но в этой сцене автор «приподнимает» ее до символа, он — тот самый царь природы, который в столкновении с царь-рыбой потерпел жесточайшее поражение. Физические и больше всего нравственные страдания — вот возмездие за дерзкую попытку покорить, подчинить или даже уничтожить царь-рыбу, рыбу-мать, несущую в себе миллионы икринок...

По изобразительности, по эмоциональной насыщенности и по глубине поставленных здесь проблем эта символическая сцена — одно из крупнейших достижений современной русской прозы. В ней, в этой сцене, содержатся те самые идейные опоры, которые объясняют многие наши вопросы, освещают многое из того, что мы вместе с автором अवзлованно переживали. Одна из них ныне часто повторяется и уже сформулирована как единство человека и природы: другая звучит у Виктора Астафьева непререкаемо и убежденно: «Бесследно никакое злодейство не проходит» — мысль, идущая из народных глубин, из древних легенд и сказок: третья — как требование, актуальное во все времена: не забываясь бы в человеке человек, когда он осуществляет свою суть и в природе, и в обществе.

Позднее, определяя сверхзадачу произведения как «стремление доказать нам, что «настало время хранить, а еще вернее — охранять природу», Виктор Астафьев добавит:

«Тут, как нигде, со всей наглядностью ясно что защита природы — это глухо-человеческая задача, если хотите, это защита самого человека от нравственного саморазрушения».

«Царь-рыба» — это апофеоз того, что ранее нашло свое отражение во многих других произведениях Виктора Астафьева — в «Затесах», например, в «Последнем поклоне» или в «Оде русскому огороду».

Откроем одну из первых глав «Последнего поклона» — «Зорькина песня». Она о раннем детстве героя, о его бабушке, которая научит мальчика примечать в жизни необыкновенное и прекрасное, научит понимать и любить природу. Она будет встречать с ним зарю в лесу, слушать зорькину песню, вместе радоваться солнцу, птичьим голосам и еще неведомо чему, что утром наполняет лес. Бабушка впервые откроет мальчику, что посадить дерево — радость и что деревья растут для всех. И про травы, которые бабушка хорошо знает и которыми людей лечит, внук узнает от нее же.

А в «Оде русскому огороду» эта тема познания мира мальчиком расширяется и углубляется. Эту тему Виктор Астафьев ставит в план общесоциальных, общепсихологических вопросов, в план взаимоотношений человека и природы. С удивительным проникновением переданы ощущения мальчика, сделавшего свой первый шаг по земле, передано жадное внимание его к каждой травинке, к каждому цветку, к всякой живности. Необыкновенно остро воспринимает он краски и запахи природы, ее динамику, ее незримый круговорот. Мальчик как бы на равных со всеми впитывал в себя живительные соки земли. А как же быть с мошкой, комарами и клещами в лесу? — задавал себе вопрос мальчик.

«Этим кровососам, селоте этой, теснящей и жрущей все разумное и полезное, тоже, значит, торжествовать и радоваться?! Ах ты, батюшки мои! Сложно-то как! И спросить не у кого... Сам думай сам ищи ответ, раз задачу сам же себе задал...»

Не мог, понятно, мальчик найти тогда ответ — ответом стала сегодняшняя «Ода...», в которой красота и целесообразность осмысливаются и утверждаются как преодолимая закономерность в жизни природы, в понимании истинного человеческого счастья. Земля час поит и кормит, дает радость и силу, и труд на ней человека — необходимое слагаемое поэзии и счастья. Труд на земле может быть и тяжким, и сложным, но он же источник доподлинной полноты жизни. Деревенские мальчики рано приобретали трудовые навыки постигали прелесть самостоятельного труда, испытывали чувство удовлетворения и гордости, оттого что сами зарабатывали на хлеб.

«Ода...» — душевное произведение Виктора Астафьева, потому и произнесена она на едином дыхании. В «Оде...» текут два мощных пласта — душа мальчика, объективированная художником, и душа автора, выражающая восторг от счастливого общения с далеким теперь мальчиком и тоску от неизбежного с ним расставания. Это и образует астафьевский стиль произведения с его повышенной интенсивностью каждого слова, с его неистощимой многокрасочностью и с духовной насыщенностью каждой картины. И поэзия груда, и сложнейшие вопросы, поставленные перед собою мальчиком, и гневное изображение войны, и краса необыкновенного огорода... — необычайно широкий диапазон краткого повествования Виктора Астафьева.

Да, в «Оде...», как и в «Последнем поклоне» и в «Царь-рыбе», Виктор Астафьев постоянно напоминает нам о войне, настойчиво возвращает нас к ней то одним словом, то сценой, то большим эпизодом, целой главой (глава «Сорока» в «Последнем поклоне»). В активе писателя несколько самостоятельных, емких по содержанию повестей и рассказов, посвященных событиям Отечественной войны, участником которой он был.

А. Н. Макаров, в числе первых написавший превосходную монографию о Викторе Астафьеве, сказал о повести «Где-то гремит война»: «Я не встречал еще в нашей литературе столь густо написанной картины далекого тыла в первый трагический год войны...». Эти слова «я не встречал» можно с полным основанием отнести к «современной пасторали» «Пастух и пастушка». Это не только «густо написанная картина» войны, но еще и свое астафьевское ее видение, выраженное во многом неожиданной концепции войны. Не случайно «пастораль» сразу после ее появления вызвала острую полемику, ныне ушедшую в прошлое, потому что неоспоримы идейно-художественные достоинства «пасторали», неоспорима ее правда о войне.

Пастораль, когда бы она ни

создавалась, всегда — о любви и верности. Виктор Астафьев с некоторой долей вызова определил жанр своего произведения: он ведь тоже написал о любви, но любви в жесточайших условиях современной войны, он ведь тоже написал о верности, которая нетленна в человеческом сердце, сколь бы грозно ни бушевали над человеком события сегодняшние или давние.

Она, Женщина, с трудом отыскала Его, погибшего на войне и одиноко похороненного где-то на полустанке. Отыскала и горестно спросила: «Почему ты лежишь один посреди России?» Спросила и завершила: «Спи. Я пойду. Но я вернусь к тебе. Скоро... Там уж никто не в силах разлучить нас».

Сентиментально, как во всякой пасторали? Но вслушаемся, задумаемся в то, что тут же прозвучало у Виктора Астафьева:

«Рядом с ее лицом началась, шелестела сухая, немощная трагедия. Все бури мира, все буйство земли вобрала она в себя, утишила их собою, ссызано хранила в бледной луночке корешка, стиснутого землею, надежды на пробуждение свое и наше».

Что за «бури мира», что за «надежды на пробуждение... наше», предвещающие в последней редакции «пасторали» ее, так сказать, основное содержание? Это, в сущности, обращение писателя к духовным ценностям человечества, которые особенно в годы войн подвержены нередко искажению или уничтожению; обращение к земле, к природе, питающей нас надеждами на пробуждение. Война для писателя состоит из двух взаимосвязанных понятий: война — необходимость, оправдываемая защитой или освобождением Отечества, и война — состояние, всегда противоестественное, примириться с которым невозможно. Трагедия народа, пережившего такую войну, как Великая Отечественная, по убеждению Виктора Астафьева, не только в том, что погибло двадцать миллионов человек, но и в том, что она, кроме того, искалечила десятки миллионов, обездолила, надломил ее бедствиями, страданиями, муками физическими и духовными. Главный герой «пасторали», еще юноша, не выдержал именно духовных перегрузок и погиб от незначительной раны. Отсюда суровость повествования, бескомпромиссность в показе «жестокости» и возвышенная патетика вступления к «пасторали» и ее заключения: «Остался один — посредине России». Эти слова по пронзительности, нежности и патристическому пафосу стоят в одном ряду со строкой Сергея Орлова: «Его зарыли в шар земной...».

Сцена «на войне» в главе «Сорока» — единственная во всем своде глав-рассказов «Последнего поклона». Сразу видно: писал ее автор после «пасторали» «Пастух и пастушка». Ни тени украшательства, самоутешения, подчеркнутото героизма, хотя танкист Сорока и многие другие рядом погибли как истинные герои.

Повесть «Последний поклон» и органично связанная с нею

повесть «Кража», конечно же, относятся к «заветным» произведениям Виктора Астафьева. Толя Мазов из «Кражи» во многом близок Вите Потылицыну из «Последнего поклона». Они близки прежде всего тем, что оба нацелены на бескомпромиссное соблюдение требований своей совести, на защиту своей правды, как бы отчаянно безнадежно это ни выглядело, на утоление жажды истины сейчас же, чтобы тут же поставить ее, истину, на службу делу, на службу людям.

Герои этих произведений приобретают особенное значение, потому что их жизнь в результате глубокого художественного обобщения воспринимается как часть жизни народа. История духовного формирования Вити Потылицына, например, напоминает историю становления Алеши Пешкова из трилогии Максима Горького о детстве и юности. Тот и другой вышли из самой гущи народа, тот и другой позволяют увидеть и почувствовать духовную мощь народа. Витя Потылицын вобрал в себя впечатления, получил уроки, впитал мораль, усвоил идеи, постиг дух родного языка из потока живших с ним людей подлинно народного склада и характера. Витя Потылицын сформировался в грозную эпоху Великой Отечественной войны, и Виктору Астафьеву удалось после войны сказать в полный голос о силе и красоте советского человека. Виктор Астафьев искусно, без упрощений ставит в «Краже» и «Последнем поклоне» сложнейшие проблемы нашей действительности, вскрывает конфликты и противоречия жизни. Его жизнеутверждающая философия вытекает не из благостных, счастливых сложившихся для героев обстоятельств, а из правды жизни, из всегда реализуемой в действительности творческой энергии народных масс, из активного преодоления ими своих бед и трагедий.

«Книга получилась такая, — писал Виктор Астафьев, посылая мне только что вышедшее издание полного «Последнего поклона», — наной я хотел — светлой и горькой до слез, самая моя заветная, самая свободная и искренняя до «глупости», порой, книга, но в ней, в этой «глупости», и есть вся прелесть... На глупость тоже надо заработать право...»

В автобиографии «Сопричастный» — «сопричастный всему великому и живому», уточняет писатель, — есть еще и превосходные слова о назначении человека: «творить добро». «...А понимать добро, утверждать его, не доводить человека до саморазрушения и уничтожения всего живого на земле, — продолжает тут же Виктор Астафьев, — есть истинное и высшее назначение литератора, в том числе и мое».

Прекрасное подтверждение этого определения миссии человека и писателя — весь творческий путь всегда предельно искреннего, всегда взволнованного и неустанного в своих поисках Виктора Петровича Астафьева, которому в эти дни исполняется шестьдесят лет.

Николай ЯНОВСКИЙ
НОВОСИБИРСК